

Моей крестной

Это предание зовется Джая.
Его должен выслушать каждый,
кто взыскует победы. Царь, вы-
слушавший его, покорит целый
мир и сокрушит всех врагов.

Махабхарата

Тутинг, Лондон

Сентябрь

— Ты меня помнишь? — спрашивает мужик, топчущийся на крыльце.

На вид — мой ровесник. Старые полинявшие джинсы, коричневая футболка. Может быть, нищий. Может быть, миллиардер. Это Лондон. Миллиардер может делать что хочет. Миллиардер всегда прав, а все остальные — или все остальные, у кого нет миллиарда, то есть, по сути, практически все — не правы. Миллиардеры спокойно расхаживают по городу в выцветших драных футболках. Потому что могут себе позволить.

Но вряд ли ко мне придет миллиардер. И что-то в его интонациях явно указывает на прощелыгу из Южного Лондона, разъезжающего на «порше». Не на шикарном винтажном «порше», а на старом, убитом, насквозь проржавевшем «порше» без страховки; и двое его детей сидят, скорчившись в три погибели, на заднем сиденье, и весь пол усыпан записками от кредиторов с последними предупреждениями, и бак всегда заливается только наполовину, потому что на полный бак нет денег. Этот вид лондонских

прощелыг теперь почти вымер под натиском литовцев, ютящихся впятером в одной комнате, и одуревших от ката сомалийцев, принявших эстафету грабежей, воровства и злостных неплатежей на окраинах нашей многострадальной столицы.

Я говорю:

— Нет.

— Не помнишь?

Он улыбается, но как-то нехорошо, как будто я задолжал ему денег или не вернул взятую лет двадцать назад газонокосилку. Кто-то из школы? С работы? Танжер? Олдершот? «Три волхва»? Нет, бесполезно. Я не помню этого мужика и, главное, не хочу вспоминать. Оно мне зачем?

— Нет.

Я просто хотел в последний раз заглянуть домой, прежде чем отдать ключи. Забрать последнюю коробку с вещами. Попрощаться. На минутку предаться добротной жалости к себе. Я не знаю, кто этот мужик, но приди он на десять минут позже, меня бы здесь уже не было.

— Посмотри хорошенько, — говорит он. — Точно не помнишь?

— Нет. — Меня всегда бесит, когда люди не понимают «нет». Нет. Простое, короткое слово. Если я говорю «нет», это и значит «нет». Что здесь непонятного? Заставляю себя добавить: — Извини.

— Совсем не помнишь?

— Нет.

— Ну ладно, — говорит он и отправляет меня в нокаут.

Бангкок

Октябрь

Мне здесь не нравится.

Частые путешествия сужают кругозор. Хочется остановиться в знакомом отеле в Бангкоке (или в Бейруте, или в Багдаде), потому что там очень хороший бассейн, или оттуда удобно добираться в аэропорт, или у них в мини-баре неплохой апельсиновый сок, или ты уже разобрался, как включается душ. Не приходится тратить время на поиски ресторана, где подают завтрак, не нужно выяснять, как добыть кофе (ты охотишься на официанта, или, наоборот, официанты охотятся на тебя?), и какой выключатель действительно выключает лампочку у кровати.

Хочется понимать, как включается кондиционер, и знать все самые приличные блюда в меню обслуживания номеров. Все подобные мелочи, что делают путешествие максимально приятным. Очень не хочется тратить на них мыслительные ресурсы, которые пригодятся, если возникнут какие-то шероховатости. Я должен был сразу сообразить, что если мне не удалось поселиться в любимом бангкокском отеле, то без шероховатостей точно не обойдется.

Мне здесь не нравится. Уже два часа как не нравится, но меня заставляют ждать. Обычное дело. Все можно было решить еще два часа назад, но мне демонстрируют, кто тут главный, как будто и так непонятно. Я — обескураженный иностранец в полицейском участке, на неудобном стуле.

Тайцы — радушные, добрые люди, когда не пакосят. Когда не грабят, не врут в глаза и не усаживают тебя на неудобные стулья.

Я давал взятки полиции на четырех континентах и знаю, что главное — соблюсти этикет. Ошибиться легко: то даешь слишком мало, то слишком много (да, так тоже бывает); то даешь слишком открыто, то слишком робко; то слишком медлишь, то слишком спешишь. Почему бы не сделать памятку для туристов, чтобы человек не ломал себе голову? Хулахупы, сигареты, кожаная куртка (хорошая куртка) и, разумеется, наличные способны творить чудеса.

Входит начальник, шеф местного отделения. У него лицо человека, который запросто санкционирует массовую резню. Лицо человека, который ради забавы забивает щенков молотком.

— Называйте меня Майк, — говорит он.

Его зовут по-другому. Я вижу, на двери написано его имя. Длинное, как сколопендра. Он решил, и вполне обоснованно, что я, отсталый, невежественный фаранг, все равно не сумею произнести его имя правильно. Это вежливость. Или повод для драки. Выбирайте, что вам больше нравится.

— Ваш друг, он же ебанутый псих, — говорит Майк-Живодер, демонстрируя свои познания в ненормативном английском.

— Он не то чтобы мой друг...

— У всех нас есть психованный друг. Такова карма.

Майк явно задумался, стоит ли разъяснить, что такое карма, белому недоумку в моем лице.

— Вам нравится возиться с бумажками? — осведомляется он.

Я отвечаю «нет», рассудив, что такого ответа от меня и ждут.

— Мне тоже не нравится возиться с бумажками, но мне нравятся летние вечеринки в посольстве Великобритании. Вы сможете незамедлительно вывезти мистера Штерна из страны?

Мистер Штерн. Я уже и не помню, когда в последний раз слышал, чтобы его называли мистером Штерном. Вильгельм Штерн, Вилли — Бешеный Веган. Широко известный среди телевизионщиков как «этот псих», «псих бесноватый» или просто Семтекс. Наверное, самый скандальный в мире телеоператор. Сколько раз его увольняли с проектов, забирали в участок, депортировали и били по роже? Я давно потерял счет. Смогу ли я незамедлительно вывезти Семтекса из Таиланда?

— Да.

Я понимаю, что надо бы выпросить пару дней, чтобы закончить работу. Уладить дела. Это мой долг как продюсера и режиссера, как главной пробивной силы проекта: просить невозможного. Напирать. Выбивать. Прошибать стены лбом. Чудеса не случаются каждый день, но мое дело — просить. Раз за разом. Пока сам не забудешь, о чем просил. Если не будешь просить, то вообще ничего не получишь.

Но сейчас слишком жарко, и я слишком устал, чтобы о чем-то просить. Потому что такую стену не прошибешь, как ни бейся. Здесь мы имеем действительно невозможное. Не дозволенное творцом. Даже если бы я очень старался устроить столь грандиозный провал, то все равно не добился бы таких потрясающих результатов. Ибо возможности человека не безграничны.

К своему вящему ужасу, я понимаю, что не просто проигрываю битву, неся потери по всем фрон-

там. Я *уже* проиграл. Кто-нибудь, закопайте меня поглубже. Деньги и мед, слава и удовольствия суть стремления юности; с годами осознаешь, что тебе хочется только покоя. Хочется стать Отаном.

— И чтобы никаких безобразий по дороге в аэропорт, иначе вы оба отправитесь в тю-рь-му.

Мне не нравится, как он артикулирует «тюрьму». Все по-настоящему страшные люди, с которыми мне доводилось встречаться, были точно такими же, как этот Майк-Живодер: спокойные, безоружные, совершенно кошмарные. Небольшая поправка: *самые* страшные люди — на самой верхушке великого древа страха — они не спокойные, нет. Они всюду веселятся. Это комедианты. Шуты. Главный чеченец, которого я так боялся, что чуть не хлопнулся в обморок при встрече с ним, был похож на деревенского дурачка и постоянно хихикал. Потому что это и вправду смешно. Очень смешно.

Все эти brutальные дядьки в шрамах, что угрюмо глядят исподлобья, изображая крутых мафиози, это так... мелкая сошка. Вроде близнецов Крэй, таких суровых на фото, а в тюрьме вмиг распустивших нюни.

— Спасибо, Майк.

Я старательно изображаю радушие на дружеских переговорах. Майк-Живодер как бы вскользь упоминает, что его кузен владеет лучшим в городе рестораном, специализирующимся на блюдах из морепродуктов. Я раздумываю, не сказать ли, что мой кузен — тоже большой человек в ресторанном бизнесе, причем тоже связанном с морепродуктами, но вроде бы все уже решено, и мне больше не нужно идти на сближение.

Он добавляет:

— Через месяц я буду в Лондоне. Я люблю дорогие рестораны.

Я даю ему свою визитку. Я давно понял, что если дать человеку визитку, он почти гарантированно исчезнет из твоей жизни уже навсегда, особенно если тебе очень нужно, чтобы он не исчезал. Но если Майк хочет, я отведу его в ресторан. Потому что я сделаю все, чтобы угодить этому человеку. Это разумная тактика. Вопрос выживания.

Мыжимаем друг другу руки. Рука у Майка тяжелая, крупная. Рука человека, привычного к физическому труду. Копать неглубокие могилы, к примеру. Или глубокие. Моя рука — поникший одуванчик, прихлопнутый автомобильной дверцей.

И еще я почему-то уверен, что дело не только в Семтексе. Тут явно замешан каламбак. Он же райское дерево. Он же агару. Алойное дерево, если вам больше нравится.

При других обстоятельствах я бы не стал привлекать Семтекса к этой работе. Потому что себе дороже. И по сути бессмысленно. Не просто бессмысленно, а крайне неосмотрительно, как сказал бы Херби.

Нынче нам, продюсерам и режиссерам, приходится чуть ли не самолично брать камеру в руки, но мне как-то спокойнее, когда есть крепкий тыл. Особенно на вражеской территории. Как-то спокойнее, когда есть оператор, способный справиться с любой неожиданной ситуацией. Я это понял в тот вечер в Ричмонде, когда совершенно случайно увидел, как один из ведущих министров правительства домогается известного артиста эстрады прямо на автостоянке. Это было давно, за много лет до то-

го, как у всех появились смартфоны с камерой. Со мной был вполне грамотный оператор, но пока он расчехлял камеру и возился с настройками, все интересное уже закончилось. В таких ситуациях нужен кто-то вроде Семтекса, который врубает камеру в мгновение ока и умеет снимать даже с завязанными глазами.

Однажды так и было. Мы с Семтексом снимали парад французского Иностранного легиона (единственного подразделения французской армии, которое действительно принимает участие в боевых действиях, потому что там служат сплошные немцы).

— Ты, наверное, хочешь меня оскорбить, — заявил мне Семтекс. — Зачем я здесь? Зачем так со мной поступать? Толпа пиздюков, марширующих строем? Тут оператор не нужен, тут нужен штатив. Ты надо мной издеваешься, да? Я могу это снять даже с завязанными глазами.

Он так и сделал. Это была не лучшая его работа, но все равно лучше многих.

Похоже, лимит моего везения был исчерпан, когда Джо'н поручил мне снимать эту клятую документалку о каламбаке. Везение не бесконечно, и только дурак этого не понимает. Никто не получит всего. Никто и никогда. Может, кому-то достанется чуть больше, чем остальным. Но всего не получит никто. Проблема в том, что заранее не угадаешь, сколько везения еще осталось.

И есть еще репутация. Меня почему-то всегда посылают в горячие точки, в глухие дыры, где мрак, и ад, и опасно для жизни. Организованная преступность в неорганизованных государствах. Какой-нибудь город, где малолетние бандиты бродят по ули-

цам, размахивая автоматами. Мятежи, революции, беспорядки. Все, как мы любим.

В свою первую зарубежную командировку я отправился в качестве помощника оператора: январские события в Вильнюсе в 1991 году, когда Литва отделилась от СССР. Мне было велено исчезнуть с отснятым материалом, чтобы его не забрали суровые вооруженные дядьки. Я засел в баре Союза писателей, где изрядно укушался.

Ненавижу историю. Если только она не творится прямо у нас на глазах, но тогда это еще не совсем история. Я ненавижу историю, но роскошная брюнетка, возможно, вторая самая красивая женщина из встреченных мною в жизни, пригласила меня к себе обсудить историю Прибалтики. Мы все знаем, что это значит.

Или, может быть, она и вправду хотела поговорить со мной о нарушении границ и конвенций. Всякое в жизни бывает. Случались и более странные вещи. Однако мой мочевого пузырь чуть ли не лопался от добротного литовского пива. Так что сначала я пулей метнулся в сортир. Поскользнулся на темной лестнице и сломал руку. Пока я корчился от боли, кто-то сказал:

— Тебе еще повезло. Эти ступеньки убили больше народу, чем советские оккупанты.

Оператора, при котором я состоял помощником, застрелили на следующий день, когда я летел домой.

Так что получается в общей сложности? Мне везет? Не везет? Я задал этот вопрос дяде Джо, и он рассмеялся, как смеялся над всеми моими царапинами и шишками, потому что считал (и вполне обоснованно), что раз ты живой, так и нечего жаловаться.